Автор: Оргкомитет
15.04.2015 12:19

Живет в Уфе (Россия).

СВИДАНИЕ

Свидание

Сок апельсиновый брызжет с небес в глаза.
Школьное время года. Прилежная ученица
бежит, спотыкаясь. Небо вокруг. И за
худыми лопатками – ранец. Ей кажется или снится:
по переулку навстречу, ускорив шаг,
в старом пальто и шали, с тяжелой сумкой
мама идет. Падает снег, шурша,

с шифера низких крыш на тропинку. Гулко
ухает слева, тоже срываясь вниз –
там слушал недавно врач, а потом назначил
сорок уколов и к попе – капустный лист.
Ничего, утешала сестра, рассосется, зайчик.
Заяц ночами под ватным дрожал теплом
и уговаривал синего медвежонка
крепко зажмуриться, чтобы приснился дом.
Пряничный домик, пропахший сахаром жженым.
Сладко спалось в нем. Ветер носил пыльцу
мятного лета на золотистых крыльях
и рассыпал веснушками по лицу.
А в съемной квартире запах чужой и пыльный.

Тетя Клава – хозяйка, «сердечница» – по ночам
через стенку храпит, а слышится – подвывает,
утром гремит ведром, кипятит себе чай,
при встрече устало кивает «пока живая».
Дочь ее где-то в таинственном месте «сургут»,
а под стеклом в серванте – с бантами внучка.

Заяц и медвежонок давно бегут.
Несколько лет – по чужому городу, неразлучны.
Только до дома, по-прежнему, далеко.
Так далеко, что поверить в него непросто.
Небо ко сну наливается молоком
для всех одиноких усталых детей и взрослых.

Мать приезжает изредка на денёк,
ей с порога вопрос всегдашний – «Когда обратно?»
Утром проснется девочка, а на столе – кулёк
пряников мятных.

* * *

Июнннь… –
отец отбивает косу до бритвенной остроты, каждый удар молотка по истонченному лезвию отзывается вскриком встревоженной высоты, дрожью по наливному железу яблонь и на глазах – горизонта ржавеет срез – обреченные головы клонят травы, обливаясь росой – вечер, а завтра – поход в Свой лес, и мне предстоит на равных со взрослыми – сенокос.
«Ну, косарь, готовсь к рекордам, инструмент в обращении легок и прост, достался от дедов, так что держи гордо».
Получается гордо первые полчаса: картинно – рядком – ложится покорный клевер, но надо еще под Котовского причесать выпуклый склон овражка. Я неофит и верю, что одолею. Будет тебе чабрец – ворчу на горошек мышиный, как кошка цепкий; понимаю,

еще не косарь, скорей – косец, это заметно даже нахальным слепням; нагло топорщит усы молодой пырей, нехотя падает с очередной попытки; на ладонях – россыпи волдырей.
Новенький косарь, однако, прыткий – хвалит отец.
Но испаряется вместе с лесной росой мой запал, будто кто-то развел руками, я кошу, косею и нахожу косой –
камень.
Первый. Клюнул. Седой как лунь. Затупили на пару, но аппетит нагулян.
И настойчиво каждый вечер звенит июнннь. В июле.

* * *

Было время – сугробы росли выше крыши,
а теперь и зима обмельчала, ворчат старожилы.
Видно, снег шел так долго, что просто однажды весь вышел,
и теперь худосочным полям не до снежного жиру.

И в утробе земли семена пробирает до дрожи
под простынкой со штампом небесным, в стерильную стужу
высока неразумного, злого и бренного всхожесть,
но, коль есть семена, значит, это кому-нибудь нужно.

Пустота заполняется споро живучим и сорным,
и сплетаются космы бурьяна с тоскою потери,
обвивая ползучей петлей, запуская корни.
Отчий дом пред землею и небом один, изметелен.

Предстоит, оседая, в подполье – сплошь черные дыры,
и мышиное царство пирует на наших запасах.
Чтобы утром воскреснуть, пьем кофе, а на ночь – пустырник,
эликсир пустырей, что загадочней острова Пасхи.

Пуп земли – где родился и не перегрыз пуповину,
и остывшая печь помнит запах горячего хлеба,
где стоишь истуканом над пеплом под пепельным небом,
на повинную голову падает снег неповинный.

Ветхий дом засыпает по самую крышу, как будто
снова детство, и он засыпает, укрытый от ветра.
А за пазухой сна раскрывают глаза незабудки,
разгораются горицветы

Страница автора в сети

Автор: Оргкомитет
15.04.2015 12:19